

Константин Леонтьев

Православие и католицизм в Польше

Константин Николаевич Леонтьев

Православие и католицизм в Польше

«...Католики – христиане, а теперь настало такое время, что не только староверы или паписты, но и буддисты астраханские, мусульмане и скопцы должны быть для нас дороже многих и многих русских того *неопределенного* цвета и того *лукавого петербургского подбоя*, которые теперь вопиют против нигилизма, ими же самими исподволь подготовленного...»

**Константин Николаевич
Леонтьев**

**Православие и католицизм в
Польше[1]**

В нашей литературе было много нападок на католичество – не всегда с чисто православной точки зрения, а больше с либеральной или с государственно-национальной. Значительная часть этих нападок была заслужена.

Она заслужена была уже тем, что и католики были не всегда чистыми католиками, т. е. западными христианами, которым, точно так же, как и христианам восточным, запрещены законом Божиим *политические движения против власти Кесаря* (хотя бы и *иноверного* – все равно).

С другой стороны, и русские светские писатели не всегда были правы и дальновидны. Иные из них, считая себя даже православными, весьма неосторожно сбивали читателей своих тем, что по незнанию или по либеральности своей осуждали чаще в католичестве не догматические и канонические, в высшей степени важные оттенки, которым оно от Православия разнится, а, напротив того, именно те его стороны, которые, по существу, у него с Православием общи или достойны, по крайней мере, подражания; например, ас-

кетизм и оптимистический пессимизм мировоззрения; сильная власть духовенства: развитие духовничества и старчества, женские школы при монастырях и т. п.

Думая вредить папству, эти русские писатели много вредили и Православию; умышленно они это делали или по легкомыслию – не знаю. Полагаю, что иные были ослеплены ревностью или только поверхностны; другие же «ведали, что творили»[2].

Но здесь идет речь и не о зловердных, и не о легкомысленных людях, а, напротив того, об одном весьма полезном и весьма основательном русском человеке – о г-не Кояловиче, или, лучше сказать, об одной статье его. Я с этой статьей и согласен и не согласен. У некоторых птиц, говорят зоологи, глаза так устроены, что они по воле могут становиться и близорукими, когда им нужно рассматривать что-нибудь подробно на земле, и дальнорукими, когда они поднимаются очень высоко на воздух. Мне кажется, что и человеческому уму не запрещено менять таким образом свой кругозор. Вот в этом-то смысле я говорю, что я согласен с г-ном Кояловичем и не согла-

сен с ним. Я согласен с его *фактами*, понимаю прекрасно его *чувства*, но вижу за всем этим еще и *нечто иное*, более отдаленное и вместе с тем, пожалуй, более существенное и важное, чем все то, на что он указывает.

О какой же статье именно идет дело?

В 3-м номере «Холмско-Варшавского епархиального вестника» перепечатана статья, кажется из «Церковного вестника», г-на Кояловича по вопросу о примирении с поляками.

Г-н Коялович доказывает, что главным препятствием искреннему и прочному примирению русских с поляками является «всегдашнее преобладание в поляках фанатического, ультрамонтанского[3] направления»...

В статье упоминается о препятствиях, полагаемых поляками нашим стараниям возвратить униатов[4]: о ксендзах, переодевающихся даже извозчиками для пропаганды; о том, как плохо дается нам введение русского языка, вместо польского, для добавочных молитв латинского богослужения и т. д.

«Нечего обольщать себя, – говорит автор, – розовыми надеждами (на примирение поляков с русскими на религиозной почве). Вся ис-

тория латинства у них представляет постепенное развитие ретроградного направления, и чем ближе к нашему времени, тем это направление становится более общим и могущественным. Вспомним, какая светлая заря новой жизни зарождалась в религиозной польской жизни в XVI веке. Лучшие польские люди, не только светские, но и духовные, с краковской академией во главе, упорно отстранялись от ультрамонтанских постановлений Тридентского собора[5] и внимательно прислушивались к речам Оржеховского и особенно Моджевского о необходимости для поляков славянского богослужения и приобщения мирян чашей. И что же? Один человек, папский нунций[6] Коммепдоний сумел не только сокрушить противодействие поляков Тридентскому собору и заглушить речи о славянской литургии, но даже расчистить в Польском государстве почву для иезуитов[7]. Кто теперь из поляков решится вспомнить речи Оржеховского и Моджевского и возобновить их дело? Многие ли из них даже знакомы с этими именами? А, по-видимому, как к стати вспомнить бы теперь и эти имена, и

это дело. Поляки стараются дружить с чехами, у которых еще живы воспоминания о славянской церкви и большое умение будить их в своей среде. В союзе с чехами и русскими много можно было бы сделать на этом пути.

Или вспомним дела, более близкие к нам. Во времена Екатерины II у поляков было стремление к сближению с Россией; по крайней мере, были признаки этого в религиозной сфере латинской Западной России. Римско-католическая коллегия в Петербурге и деятельность латинского митрополита Сестренцевича служат слабым напоминанием о зародившемся тогда желании русских латинян ослабить цепи, связывавшие их с папой, и усилить связь с их новым отечеством – Россией. Но что же из этого вышло в ближайшее время затем? Латинские глумления над западно-русскими униатами, двенадцатый год и список ксендзов, участвовавших в смутах 1831 и 1862–<18>63 годов, служат вопиющими доказательствами всегдашнего преобладания в поляках фанатического, ультрамонтанского направления.

Или вспомним, наконец, еще более близ-

кое к нам дело – старокатолическое движение[8] в Западной Европе. Россия откликнулась на это движение. Происходили многократные обсуждения этого дела у нас – в петербургском отделе Общества любителей духовного просвещения и многократные сношения со старокатоликами. В России около семи миллионов латинян. Им естественнее всего было бы принять участие в этих обсуждениях и переговорах. Их долговременная жизнь в русском государстве, рядом с православными, должна бы, по-видимому, особенно расположить к старокатоличеству. Но что же мы видим? Все наши обсуждения старокатоличества, все наши сношения, съезды с западноевропейскими старокатоликами проскользнули, так сказать, поверх всей этой большой массы наших русских латинян, не затрагивая никого, не вызывая с их стороны никакого сочувствия, никакого отклика! Этот факт, сильно бьющий в глаза, и его ничем нельзя ослабить. Это неоспоримое доказательство, что в нашем русском латинстве слишком глубоко въелось ультрамонтанское направление, а при господстве такого направления не может

быть никакой серьезной речи о примирении между нами и поляками, и все попытки вести эту речь помимо религии окажутся пустой мечтой.

Вот факты, с которыми, по нашему мнению, нужно прежде всего считаться, когда мы заводим речь о примирении с поляками...»

Все это так; все это, вероятно, правда... О «розовых мечтах» в наше время никто и говорить себе не позволит. И я здесь не имею в виду оспаривать г-на Кояловича; я только хочу указать на то, что при всей правдивости его сообщений, при всей основательности его выводов существует еще другой круг мыслей, в котором те же самые факты принимают совсем иное освещение. Неприятное становится сносным, вредное – полезным, опасное чуть не спасительным.

Это очень просто... старая теория *наименьшего зла* – и больше ничего.

Положим, и г-н Коялович и я – оба мы преданные сыны Православной церкви. Как таковые мы должны желать, чтобы наибольшее число людей на свете стали тоже православными; дело тут прежде всего для нас не в зем-

ном русизме, а в загробном спасении души *этих прозелитов*[9] и отчасти в прощении, быть может, и наших грехов за наше усердие в проповеди и борьбе с разными препятствиями.

Вот самая основная, существенная сторона вопроса, общая и русскому, и греку, и православному японцу или камчадалу.

Здесь национальность не только в стороне, но отчасти даже и в принципиальном антагонизме с религией. *Повсеместное*, чрезвычайно успешное распространение Православия могло бы, например, сгладить государственные особенности русской империи и, сливши, так сказать, ее воедино со всем окружающим ее миром на Западе и крайнем Востоке, лишить ее (империю) всякого резонного права на дальнейшее обособленное историческое существование.

Человек *истинно верующий* в подобном случае не должен колебаться в выборе между верой и отчизной. *Вера* должна взять верх, и отчизна должна быть принесена в жертву уже по тому одному, что всякое государство земное есть явление преходящее, а *душа моя*

и душа ближнего вечны, и Церковь тоже вечна; вечна она – в том смысле, что если 30 000, или 300 человек, или всего три человека останутся верными Церкви ко дню гибели всего человечества на этой планете (или ко дню разрушения самого земного шара) – то эти 30 000, эти 300, эти три человека будут одни правы и Господь будет с ними, а все остальные миллионы будут в заблуждении.

Поэтому, чем более мы спасем людей, тем лучше и для них, и для нас.

Это так. Но, с другой стороны, правда и то, что в настоящее время для верующего человека (какой бы национальности он ни был) Россия должна быть очень дорога, как самый сильный оплот Православия на земле. Люди слабы, им часто нужна опора внешняя, опора многолюдства, опора сильной власти; опора влиятельной мысли, благоприятно для веры настроенной, и т. п. Если же Россия, как сила православная, может быть дорога, в настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумеется, она должна быть еще дороже русскому верующему человеку.

Этот русский верующий человек должен

бороться за веру и за Россию, насколько у него есть ума и сил.

До сих пор, я надеюсь, мы с г-ном Кояловичем согласны... Согласен я и с тем, что борьба с католицизмом нелегка и что католики люди крепкие, убежденные, упрямые, *которые и нам могут служить добрым примером*. Слова только эти – «фанатизм», «ультрамонтанство» и т. п. – я что-то плохо понимаю.

Если верующий человек не фанатик *своей веры*, то это только личная слабость его, и больше ничего.

Не нужен, *может быть*, фанатизм *насилия*; но фанатизм отпора, фанатизм самоотвержения прекрасны... Необходим, вероятно (увы!), в жизни людской и фанатизм *терпеливой ловкости*... Я понимаю г-на Кояловича, я согласен с ним, что борьба трудна и неприятна. Я понимаю чувства военного человека, страдающего в балканских ущельях и озлобленного донельзя против мусульман, заставивших его зайти в эти негостеприимные места...

Я не осужу усталого воина, проклинающего в тяжелую минуту не только турок, но да-

же и самое великое учреждение войны...

Я бы только на месте этого военного, *раз отдохнувши*, подумал бы: «Однако есть и другой круг мыслей, вступая в который и войне должно *радоваться*, и даже турок считать *полезными* противниками».

Я считаю твердых католиков очень полезными не только для всей Европы (Бог с ней – с Европой!), *но и для России*.

Для того чтобы согласиться со мной, надо спуститься только на *почву действительности нашей*, на почву минуты исторической и т. д.

Я говорю: если бы каждому ослаблению католичества *где бы то ни было* соответствовало бы несомненное и немедленное усиление истинного, искреннего Православия, если бы победоносное Православие, подобно могучему потоку, вступало бы само собой, с быстротой истинной силы тотчас же во всякую самую незначительную пустоту, образуемую историей еще в компактной массе католичества, то тогда только имели бы мы право считать остатки этой компактной массы, этой *плотины*, не уступающей сразу напору *нашей*

истины, безусловным злом...

Но, Боже мой!.. *Прогресс наш* сделал то, что на всякий иноверный и твердый в своем иноверчестве элемент государства нашего теперь надо смотреть как на благо! Не Православие истинное, *сердцем простое, мыслью ясное, волей твердое*, вливаться будет во все бреши, образуемые там и сям подкопами и таранами современной русификации нашей, а жалкие помои великороссийской либеральности, столь возвышенно заявившей себя и в воспитании юношества, и в судах, и даже отчасти в земстве нашем, помещанном на *европейских школах* и на мелочной оппозиции губернской власти.

Католики – христиане, а теперь настало такое время, что не только староверы или паписты, но и буддисты астраханские, мусульмане и скопцы должны быть для нас дороже многих и многих русских того *неопределенного* цвета и того *лукавого петербургского подбоя*, которые теперь вопиют против нигилизма, ими же самими исподволь подготовленного.

Глупы ли они и честны или лукавы и осторожны – все равно; честные еще хуже; если

они глупы – их не вразумишь; они пугаются слов «реакция, насилие, фанатизм, отсталость»... Отчего отсталость? Не от проклятой ли Европы этой, стремящейся в бездну саморазрушения еще с конца XVIII века?..

Не Православие предлагает нынче великорусское «ядро» своим пестрым иноверным окраинам, как предлагало оно татарам при Иоаннах, – а европейский прогресс самого разлагающего свойства. Мы, русские, более всех *иных русских подданных*, европейцы в худом значении этого слова, т. е. *медленные* разрушители всего исторического и у себя, и у других...

Недавно вышла в Москве моя книга «Отец Климент» (Зедергольм). Он был сын пастора, немец; вот если бы из каждого поляка, оставившего католичество, из каждого татарина, изменившего исламу, из каждого крещеного буддиста выходили бы *такие* православные поляки, такие православные татары и калмыки, каким стал этот *православный немец*, то можно бы радоваться этим обращениям и сокрушаться о препятствиях, полагаемых иноверчеством нашей пропаганде, и для *души*, и

для *государства* спасительной...

А теперь похоже ли что-нибудь на это? В каком именно племени, из всех племен, подвластных русской короне, нигилизм и по-творяющее ему умеренное *либеральничание* распространены сильнее всего? В нашем великорусском племени... Из самого великорусского племени, бывшего так долго ядром объединения и опорой созидания, государству нашему исходит теперь расстройство...

Русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их, и у человека, ясно понимающего положение дел, слезается в уме легко следующая последовательность мыслей, весьма разнородных, но связанных одной нитью: желанием сперва приостановить надолго поступательное движение в Отчизне нашей, а потом, одумавшись, искать смело и внимательно, нет ли еще средств сойти нам как-нибудь на другие рельсы, не исключительно европейские

Вот ряд этих мыслей:

1. Хотя Православие – религия всесветная или вселенская по существу своему, но по избранию Божию или (если угодно) по истори-

ческим сочетаниям России выпало пока на долю быть главной опорой Православию на всем земном шаре.

2. Верующий человек должен желать, чтобы эта опора была сильна и тверда.

3. Национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то, по крайней мере, сомнительны. Народ *рано или поздно* везде идет за интеллигенцией. Интеллигенция русская стала слишком либеральная, т. е. пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальна именно там, *где следует быть национальной. Творчества* своего у нее нет: своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски. Русская интеллигенция так создана, что она чем дальше, тем бесцветнее, чем дальше, тем сходнее с любой европейской интеллигенцией; она без разбора как огромный и простодушный страус глотает все: камни, стекла побитые, обломки медных замков (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики). Страус не может понять, что стекло режет желудок и что медь, окислившись, отравит его.

Русская интеллигенция *не в силах* различать стекла и меди от настоящей пищи. Она жрет что попало и радуется.

Строгое, осмысленное Православие, *простое сердцем и мудрое разумом*, стало слабо у этого страуса.

Окисленная медь европейского либерализма уже давно отравила его, его давно уже несет космополитическим флуксом[10], а он все еще наивно глядит вокруг и только ищет, нет ли еще где чего-нибудь такого же, только *покрепче*? Даже настоящее, глубокомысленное славянофильство переварилось в слабом мозгу огромного страуса в самый простой и грубый европейского стиля эмансипационный панславизм. *Пышные перья* хомяковской своеобразной культуры разлетелись в прах туда и сюда при встрече с жизнью, и осталась, вместо нарядной птицы, какая-то очень большая, но куцая и серая индюшка, которая жалобно клохчет, что ей плохо, и не знает, что делать... *Такова интеллигенция наша*, взятая как всецелое, как *социологическая единица*.

4. Поэтому, пока *принципы лучшие, дисципли-*

плинирующие еще не взяли верх в государстве нашем, пока в ядре всероссийском начала охранительные и *творческие* не одержат победы над разрушительными (т. е. либеральными), интеллигенцию собственно русскую не следует предпочитать иноверцам и иноплеменникам нашим: татарам, черкесам, остзейским баронам, якутам и полякам. Либерализм вышел именно из христианских стран как *антитеза духовному, аскетическому, стеснительному христианству*, а не из гор Кавказа или Мекки. К мусульманским народам либерализм прививается трудно. Остзейцы были всегда равнодушны к нации русской – это правда; но они верой и правдой служили *царю, от нации русской* отделимому только метафизически, а не реально. Служа хорошо государю, они *нам* служили; они служили *косвенно* и Православию. У поляков о *настоящем нигилизме* меньше слышно, чем у нас; они либеральны только *для своей нации*; они скромные эгоисты, они не благодетели рода человеческого, как мы... Они хотели обмануть наших нигилистов и перевешать их тотчас же после выделения мечтательного цар-

ства Польского.

Итак, у всех иноверцев и инородцев наших охранительные начала крепче, чем у нас, именно *потому*, что они завоеваны или *иначе присоединены*; примирение основательное, глубокое свершиться может поэтому не на почве взаимных и немыслимых религиозных уступок, а в общем *индифферентизме*, который только бы усилил наши отрицательные, либеральные начала. Сперва индифферентизм и общее свободолобие вместо старых претензий на *местные особые права*, потом выделение из серой массы общей либеральности – красного всеобщего нигилизма.

5. Поэтому для нашего, *слава Богу*, еще *пестрого государства* полезны своеобразные окраины; полезно упрямое иноверчество: *слава Богу*, что *нынешней русификации* дается отпор. *Не прямо* полезен этот отпор, но *косвенно*; католичество есть главная опора полонизма, положим; но оно же вместе с тем одно из лучших орудий против общего индифферентизма и безбожия.

Вера в Христа, апостолов и в святость Вселенских Соборов, положим, не требует непре-

менно веры в Россию. Жила Церковь долго без России, и если Россия станет недостойна, – вечная Церковь найдет себе новых и лучших сынов.

И хотя сила Церкви необходимее для России, чем сила России для Церкви, но все-таки пока Россия дышит и *стоит еще под знаменем Православия*, Церковь отказаться от нее не может. *И не только русский верующий*, но и японский прозелит должен желать блага русскому государству как наилучшей все-таки опоре Православия.

6. Если же сила России полезна для Церкви, то для верующего члена той же Церкви (хотя бы и временно, положим) должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы косвенно и невольно охраняет Россию, все, что кладет препоны совокупности основных русских зол, именно: либерализму, безбожию, утилитарному мировоззрению, ложно понятому реализму воспитания и обучения... и т. д.

7. Частные национальные инсуррекции через 15–20 лет *вовсе не очень страшны*. Частные инсуррекции, под определенными наци-

ональными знаменами, – вещь сносная; они возбуждают и в нас религиозное чувство и национальную доблесть хоть на время. *Тихий и мирный ход домашнего разложения во сто крат ужаснее.*

К тому же поляки перестали, по-видимому, думать об инсurreкциях против России с тех пор, как Германия, готовая дотла их пожрать, стала так сильна.

Что касается до их кокетства с Австрией, с одной стороны, а с другой – до соглашения Австрии с Германией будто бы против нас, то первое можно счесть неопасным уже потому, что второе едва ли может быть прочно. Если *б такая беда* и случилась паче чаяния, то можно быть уверенным, что Германия, после двух-трех наших побед над австрийцами, поспешила бы покинуть Австрию только для того, чтобы всей силой своей обрушиться скорее на Францию, *если бы та шелохнулась...*

Хорошо обращать униатов в Православие, но еще бы нужнее придумать: как своих, москвичей, калужан, псковичей и особенно жителей Северной Пальмиры[11], *просветить Светом Истины!*

С упорными *иноверцами* окраин Россия, со времен Иоаннов, все росла, все крепла и прославлялась, а с «европейцами» великорусскими она, в каких-нибудь полвека, пришла... К чему она *пришла* – мы видим теперь!..

Между прочим, и к тому, что и русский старовер, и польский ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес стали лучше и безвреднее для нас наших единокровных и *по названию (но не по духу, конечно) единоверных братьев!*

Комментарии

Эта статья была написана К. Н. Леонтьевым еще в 1880 г. в Варшаве под впечатлением прочтения статьи историка М. О. Кояловича в «Холмско-Варшавском епархиальном вестнике», в свою очередь, перепечатанная из «Церковного вестника», но опубликовал он ее лишь спустя два года в газете «Гражданин».

[^^^]

Парафраз. Лк 23:24.

[^^^]

3

Ультрамонтанство – сверхконсервативное направление в католичестве, добивавшееся неограниченного права римского папы на вмешательство не только в религиозные, но и в светские дела.

[^^^]

4

Те православные верующие, которые слились с католиками, а в действительности же отошли от Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Это отторжение достигнуто ценой отречения от важнейших православных догматов и признания догматов латинских (например, примат папы римского, Filioque, чистилище).

[^^^]

5

Тридентский собор (собор контрреформации) был созван в 1545–1563 гг. для осуждения Реформации.

[^^^]

6

Нунций – постоянный дипломатический представитель, посол Ватикана в иностранных государствах.

[^^^]

Католический монашеский орден иезуитов основан в 1537 г. Игнатием Лойолой, утвержден папой Павлом III в 1540 г., в 1550 г. от папы Юлия III получил детальное описание своих целей и структуры.

[^^^]

Старокатолическое движение – часть римско-католической церкви (епископат, духовенство и миряне), отколовшаяся от нее после I Ватиканского собора в знак несогласия с принятыми на этом соборе решениями (и прежде всего, с догматом о непогрешимости папы). В Германии старокатолики пользовались особым покровительством Бисмарка в годы «культуркампа» как опора в борьбе с властью папы.

[^^^]

9

Прозелит – человек, принявший новую веру.
Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру.

[^^^]

10

Космополитический флюкс – всечеловеческий понос.

[^^^]

Санкт-Петербург

[^^^]